

УДК 330.162

ЭТНИЧНОСТЬ В ДИСКУРСЕ СЕТЕВОЙ ЭКОНОМИКИ

Е.Н. Кукина, кандидат экономических наук, доцент кафедры «Экономика и менеджмент»
Волгоградский государственный медицинский университет (Волгоград), Россия

***Аннотация.** В статье рассматриваются теоретико-методологические подходы к исследованию феномена этничности (этнокультурного фактора) применительно к анализу проблем его трансляции в современную экономику и эмпирически наблюдаемого, в форме этнического предпринимательства (этноэкономики). Сетевая структура, лежащая в основе этнического предпринимательства, позволяет считать этничность важнейшим ресурсным потенциалом мобилизации этнических групп в маргинальных условиях, обусловленных миграцией.*

***Ключевые слова:** этничность, социальный капитал, поля социального пространства, габитус, инкорпорированный капитал, сетевая структура, операциональные параметры сети.*

В условиях современных геополитических и геоэкономических вызовов категория мобилизационного потенциала народов, индивидуальной и коллективной социально-экономической адаптации приобретает ключевой характер. Выделяется тенденция усиления групповой (в частности этнической) солидарности, лояльности и включенности в этнические сети, образующие модель этноэкономики или этнического предпринимательства. В рамках таких сетей этничность выступает в качестве ресурса, формального и неформального регулятора действий, обеспечивая функциональную целостность сети. Сетевая структура, в свою очередь, определяет стратегии и действия экономических агентов (акторов), обусловленных этничностью.

С точки зрения концепции структурной эквивалентности [1, 288–291] сеть рассматривается как две совокупности: конфигурация акторов, занимающих определенные дифференциальные позиции и характер связей между ними. Характер циркулирующих и обмениваемых ресурсов определяет дифференциацию позиций акторов. Так Дж. Коулман ассоциирует сеть с социальным капиталом и рассматривает его как специфический вид ресурса, распределенный между структурными позициями акторов наряду с материальными и другими ресурсами, с которыми социальный капитал может комбинироваться и накапливаться. Социальный капитал представлен им как совокупность отношений, которые связаны с ожиданием того, что другие агенты будут выполнять свои обязательства без применения санкций. Способ перемещения социального капитала определяется видом социальной структуры и её свойствами. Это продуктивный ресурс, так как он способствует достижению целей и облегчает действия экономических агентов внутри структуры. [2, 122–139].

С точки зрения концепции сплоченности, сеть – это совокупность отношений, обосновывающих принципов и производных от них практик действия. [3, 332]. Все это означает ситуацию, когда другие агенты будут действовать определенным образом и их действия будут базироваться лишь на одном принципе, например, доверии. С этой концепцией связаны понятия «поля социального пространства», «габитуса», «инкорпорированного и социального капитала» П. Бурдьё. [4]. Социальный мир – многомерное пространство с множеством полей, в каждом из которых индивиды и их группы занимают соответствующие позиции. В организационном отношении социальное поле обозначает локальные порядки или арены взаимодействия акторов, в которых создаются и воспроизводятся институты.

Приобретенная система порождающих схем, устойчивая диспозиция производства классифицирующих практик и одновременно диспозиция их восприятия и оценивания называется габитусом. Порождаемая габитусом устойчивость предпочтений не превращает связь между условиями существования и практиками действия в автоматическую зависимость. Эти диспозиции способны видоизменяться под воздействием столкновений с новыми проблемами, ситуациями и другими стилями жизни, когда человек попадает в поле стратегического выбора. [5, 102].

Капитал по П. Бурдьё представляется способом структурирования разных полей социального пространства. Инкорпорированное состояние капитала (культурный, символический) означает совокупность относительно устойчиво воспроизводимых диспозиций и демонстрируемых способностей, которыми наделен обладатель той или иной формы капитала. [6, 60–74].

Так культурный капитал в инкорпорированном состоянии воплощается в практическом знании, позволяющем человеку распознавать стратегии и принципы действия других хозяйственных агентов. Его накопление связано с навыками социализации в определенной социальной среде – усвоением и частичной интернализацией институциональных ограничений, позволяющих действовать по правилам, принятым в рамках того или иного хозяйственного порядка. В своем объективированном состоянии он выступает в виде культурных благ и заключается в своей вещной форме специфические знаки и символы, позволяющие распознавать смысл отношений и расшифровывать культурные коды. Заключенные в культурных продуктах знаки и символы помогают понять социальное положение и статусные позиции хозяйственного агента, в которых институализируется культурный капитал. Накопление культурного капитала способствует различению индивидов и групп. Измерение культурного капитала возможно по косвенным признакам: уровню уважения и престижа. Символический капитал означает способность человека к производству мнений. В своем инкорпорированном состоянии означает наличие легитимной компетенции, а в институционализированном состоянии воплощается в структуре авторитетов,

которые обладают правами номинации. Передается символический капитал путем объяснения смыслов и техник их производства. [7, 521–528].

Социальный капитал в трактовке П. Бурдьё – это совокупность реальных или потенциальных ресурсов, связанных с обладанием устойчивой сетью более или менее институционализированных отношений взаимного знакомства и признания – иными словами с членством в группе. Концентрация ожиданий и обязательств выражается понятием доверия. Чем больше обязательств накоплено в данном сообществе, тем выше «вера в реципрокность» (взаимность) и, следовательно, уровень социального капитала.

Измеряется социальный капитал степенью включенности в те или иные сети, а также через характеристики самих этих сетей: размера, плотности, силы и интенсивности сетевых связей, степени централизации сети; её гомогенности; замкнутости связей и их устойчивости. [8, 70–73]. Все это позволяет дифференцировать различные сети по формам связей, определяющих конфигурацию сети в целом, структурирующих позиции акторов и направляющих их социально-экономические действия (практики).

Таким образом, сетевая структура есть определенная форма отношений, которая приобретает стабильность и воспроизводится в практиках экономических агентов благодаря их действиям, подкрепленным доверием окружающих и ожиданиями относительно действий других. По мнению М. Грановеттера, экономическое действие является социальным и структурно укоренено в социальных отношениях в том смысле, что оно контролируется межличностными отношениями, базирующимися на понятии доверия. [9, 44–58]. Экономические акторы воспроизводят в повседневной экономической жизни уже привычные для них отношения – габитусы. Участники должны не только усвоить (интериоризировать) данную форму отношений, если хотят встроиться в неё, но и сознательно выработать ограничения и правила в виде формальных и неформальных соглашений [10, 132–149].

Сетевые связи характеризуются тремя принципиальными чертами, подчеркивающими их социальный характер: структурной укорененностью, связанностью и реципрокностью (взаимностью). [11, 61–105].

Среди множества моделей, отвечающих признакам сети, особое место занимает модель этнической экономики (этнического предпринимательства). Сегодня практически все концепции этнической экономики исходят, главным образом, из того, что мигранты, которые в принимающей стране становятся меньшинством, попадают в особую «ущемленную» (disadvantage) ситуацию. В то же время они имеют в своём распоряжении так называемые «этнические» дополнительные ресурсы, позволяющие им образовать этнокультурные экономические сети. В рамках этноэкономики как солидаристской этносоциальной сети со своими социальными нормами, информационными каналами, обязательствами и ожиданиями осуществляется социальная и институциональная локализация транзакций и снижение неопределенности для мигрантов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Davern, M. Social Networks and Economic Sociology: A Proposed Research Agenda For a More Complete social Science / M. Davern // American Journal of Economics and Sociology. – 1997. Vol. 56. – № 3.
2. Коулман, Дж. Капитал социальный и человеческий / Дж. Коулман // Общественные науки и современность. – 2001. – № 3. – С. 122–139.
3. Mizruchi, M. Social Network Analysis: recent Achievements and Current Controversies / M. Mizruchi // Acta Sociologica. – 1994. Vol. 37. – P. 332–346.
4. Бурдьё, П. Социальное пространство и генезис классов / П. Бурдьё // Социология политики. – М.: Socio-Logos, 1993.
5. Бурдьё, П. Структура, габитус, практика / П. Бурдьё // Практический смысл. – М.: Институт экспериментальной социологии; – СПб.: Алетейя, 2001.
6. Бурдьё, П. Формы капитала / П. Бурдьё // Экономическая социология. – 2002. Т. 3. – № 5. – С. 60–74.
7. Бурдьё, П. Формы капитала / П. Бурдьё // Западная экономическая социология: хрестоматия современной классики / сост. и науч. ред. В. В. Радаев; пер с англ. М. С. Добряковой и др. – М.: РОССПЭН, 2004.
8. Радаев, В. В. Социология рынков: к формированию нового направления / В. В. Радаев. – М.: ГУ-ВШЭ, 2003.
9. Грановеттер, М. Экономическое действие и социальная структура: проблема укорененности / М. Грановеттер // Экономическая социология. – 2002. – Т. 3. – № 3. – С. 44–58.
10. Олейник, А. Н. Модель сетевого капитализма / А. Н. Олейник // Вопросы экономики. – 2003. – № 8. – С. 132–149.
11. Пауэлл, У., Смит-Дор, Л. Сети и хозяйственная жизнь / У. Пауэл, Л. Смит-Дор // Экономическая социология. – 2003. – Т. 4. – № 3. – С. 61–105.

Материал поступил в редакцию 25.06.14.

ETHNICITY IN THE DISCOURSE OF NETWORK ECONOMY

E.N. Kukina, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of Economics and Management Department
Volgograd State Medical University (Volgograd), Russia

Abstract. The article deals with the theoretical and methodological approaches to the study of the phenomenon of ethnicity (ethnic and cultural factors) applied to the analysis of the problem of its translation into the modern economy and empirically observed, in the form of ethnic entrepreneurship (Ethnoeconomics). The network structure underlying the ethnic entrepreneurship, suggests considering of ethnicity as essential mobilization resource potential of ethnic groups in marginalized terms due to migration.

Keywords: ethnicity, social capital, social space fields, habitus, incorporated capital, network structure, operational parameters of the network.